

Государственный или общественный деятель: уголовно-правовое понятие

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовому анализу основного состава преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ. Автором рассматривается сущность посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, которое совершается в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность. Подробно рассматривается объект преступления, приводится его деление на основной и дополнительный объект. По мнению автора, соотношение основного и дополнительного объектов не соответствует теоретическим положениям, согласно которым они должны охватывать общественные отношения, охраняемые нормами различных глав УК РФ. В составе преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, автор выделяет потерпевшего как факультативный признак объекта и приходит к выводу, что в рассматриваемом преступлении воздействие осуществляется не на основы конституционного строя России, а на потерпевшего, поскольку именно на него направлено посягательство.

Ключевые слова: посягательство на жизнь; общественный деятель; политическая деятельность; общественные отношения; основы конституционного строя; государственная власть; принцип равенства граждан; конституционно-правовые отношения; политическая система страны.

Для цитирования: Дегтерев А. А. Государственный или общественный деятель: уголовно-правовое понятие // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 5. — С. 188—198. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.188-198.

State or Public Figure: Criminal Law Concept

Andrey A. Degterev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Astrakhan State University
ul. Tatishcheva, d. 20a, Astrakhan, Russia, 414056
degterevand@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to a criminal-legal analysis of the main elements of a crime under art. 277 of the Criminal Code of the Russian Federation. Author considers the nature of infringement on life against a state or public figure, which is committed to end his state or other political activity or out of revenge for such activity. The object of crime is examined in detail; its division into the main and additional object is given. According to the author, the ratio of the main and additional objects does not correspond to theoretical provisions, according to which they should cover public relations protected by the norms of various chapters of the Criminal Code of

---

© Дегтерев А. А., 2020

* *Дегтерев Андрей Александрович*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета
ул. Татищева, д. 20а, г. Астрахань, Россия, 414056
degterevand@rambler.ru

the Russian Federation. As part of a crime, provided for in art. 277 of the Criminal Code, the author identifies the victim as an optional element of the object and concludes that in the crime in question the impact is not on the foundations of the constitutional system of Russia, but on the victim, since the attack was directed at him.

Keywords: infringement on life; public figure; political activity; public relations; foundations of the constitutional system; state power; principle of equality of citizens; constitutional and legal relations; political system of the country.

Cite as: Degterev AA. Gosudarstvennyy ili obshchestvennyy deyatel: ugovorno-pravovoe ponyatie [State or Public Figure: Criminal Law Concept]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(5):188-198. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.188-198. (In Russ., abstract in Eng.).

Своеобразие законодательного описания рассматриваемого преступления обусловило ряд теоретических проблем характеристики его состава, а также практики применения уголовно-правовой нормы. Статья 277 УК РФ охватывает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность¹.

Впервые законодатель использовал термин «посягательство» вместо привычного, устоявшегося веками термина «убийство», в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1962², которым УК РСФСР 1960 г. был дополнен статьей 1912, предусматривающей уголовную ответственность за посягательство на жизнь работников милиции или народных дружинников в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка³. С указанного времени, как заметил Я. М. Брайнин, «неопределенность термина “посягательство”... породила целую литературу этого вопроса»⁴.

Однако законодатель не отказался от данного термина; более того, использовал его в ст. 277, 295 и 317 УК РФ. Э. С. Тенчов и А. С. Драченев, пытаясь обосновать целесообразность применения подобной юридической формулы,

исключающей стадию покушения на преступление, пишут, что этому может быть только одно объяснение: ч. 4 ст. 66 УК РФ не позволяет применять смертную казнь и пожизненное лишение свободы в случае неоконченного преступления, а разработчики Кодекса попытались преодолеть данное препятствие в трех указанных специальных нормах⁵.

Определение объекта рассматриваемого преступления, помимо всего прочего, осложнено еще и тем, что в теории уголовного права авторитетными учеными высказано мнение, согласно которому в преступлениях, предусматривающих в качестве потерпевшего человека, объектом посягательства неправомерно признавать общественные отношения, как предложил в свое время А. А. Пионтковский⁶ и как полагали практически все ученые до 1990-х гг. Теперь же, например, А. В. Наумов утверждает, что теория объекта преступления как общественных отношений уже «не срабатывает», следовательно, не может быть универсальной, в связи с чем подлежит пересмотру⁷. Некоторые авторы признают общественные отношения объектом преступления с оговоркой, при этом придавая им новое, специфическое значение — как правопорядка, установленного для обеспечения прав, свобод и интересов личности. Признание же приоритета человека над иными социальными

---

¹ Деяние отнесено к преступлениям террористического характера (прим. к ст. 2051 УК РФ).

² URL: www.libussr.ru.

³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449.

⁴ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 235.

⁵ Тенчов Э. С., Драченев А. С. Оконченное преступление с точки зрения законодательной техники // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Ярославль, 1997. С. 7.

⁶ См.: Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С.129—130.

⁷ Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 147.

ценностями, по мнению, например, А. А. Тер-Акопова, требует нового понимания объекта уголовно-правовой охраны⁸.

Характеризуя объект рассматриваемого преступления, а следовательно, и характер его общественной опасности, авторы фактически единодушны, а все предлагаемые ими определения отличаются лишь нюансами. В этом нетрудно убедиться, обратившись к конкретным высказываниям ученых. Так, А. И. Рарог полагает, что преступление, предусмотренное статьей 277 УК РФ, посягает на политическую систему РФ⁹; по сути, аналогичная точка зрения высказана Р. Р. Галиакбаровым¹⁰, Н. И. Ветровым¹¹, А. Б. Беляевым¹², С. И. Никулиным¹³.

По А. В. Наумову, объектом рассматриваемого преступления выступает конституционный принцип политического многообразия и многопартийности¹⁴; И. Л. Марогулова к этому принципу добавляет еще один — принцип равенства граждан¹⁵. По мнению автора, принцип как «первоначало, руководящая идея, основное правило поведения»¹⁶ не может являться объектом какого-либо преступления вообще, в том числе посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля. А добавление, сделанное И. Л. Марогуловой, к тому же искажает суть общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом.

При посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля из-за мести за предыдущую деятельность виновный, как считает автор, не может нарушить общественные отношения по поводу его деятельности, следовательно, в этом случае объектом преступления выступает жизнь человека¹⁷. На наш взгляд, такая трактовка данного элемента преступления не вытекает из закона, не основана на конституционных положениях политической системы России.

Интересное суждение об объекте рассматриваемого преступления высказали Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачева и А. И. Чучаев. По их мнению, «в качестве объекта преступления следует признавать неприкосновенность личности государственного или общественного деятеля. При таком подходе интересы политической системы РФ не утрачивают своего уголовно-правового значения; они характеризуют особый статус указанных потерпевших и проявляются в осуществляемых ими функциях как представителей государственной власти или общественных объединений, реализующих отдельные направления внутренней или внешней политики государства»¹⁸. Несмотря на привлекательность этой точки зрения, в какой-то степени «примиряющей» имеющиеся разногласия в оценке анализируемого элемента состава преступле-

⁸ Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. Рязань, 1994. С. 56.

Дальше всех пошел Г. П. Новоселов. Он утверждал, что «...объектом любого преступления, а не только направленного против личности, являются люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других — как некоторого рода множество лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в третьих — как социум» (Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 60).

⁹ Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012. С. 312.

¹⁰ Уголовное право. Особенная часть. М., 1999. С. 439.

¹¹ Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть. М., 2000. С. 373.

¹² Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 2000. С. 361.

¹³ Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. К. Дуюнова. М., 2008. С. 570.

¹⁴ Наумов А. В. Российское уголовное право : в 3 т. М., 2011. Т. 3. С. 352.

¹⁵ Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 1999. С. 454.

¹⁶ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986. С. 382.

¹⁷ Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. С. 939—940.

¹⁸ Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). М., 2016. С. 20.

ния, вряд ли она может претендовать на окончательное решение проблемы. Дело в том, что авторы, на наш взгляд, очень тонко меняют акцент: вместо основ политической системы они переносят его на личность потерпевшего. Между тем Ф. М. Рудинский, например, обоснованно подчеркивал, что правом неприкосновенности личности обеспечивается личная безопасность отдельных лиц¹⁹. Преступление, предусмотренное статьей 277 УК РФ, как уже указывалось, имеет специфический механизм совершения, который в первую очередь предполагает включенность потерпевшего в конституционно-правовые отношения, характеризующие основы политической системы страны; виновный, исключая государственного или общественного деятеля из указанных отношений, т.е. один из его элементов, тем самым нарушает указанные основы, определенные в Конституции РФ.

Законодатель, характеризуя потерпевшего, называет его видовые признаки: 1) государственный и 2) общественный деятель.

В литературе обоснованно обращается внимание на то, что для правильного определения круга лиц, которые могут признаваться потерпевшими в преступлении, предусмотренном статьей 277 УК РФ, необходимо устанавливать связь статуса лица с основами политической системы РФ, поскольку, как уже говорилось, отсутствие такой связи исключает наличие указанного деяния. В качестве примера Е. Трошкин и С. Токмаков приводят убийство государственного служащего, которое не наносит серьезного урона функционированию политической системы РФ²⁰.

Характеризуя потерпевшего как государственного или общественного деятеля, авторы, как правило, ограничиваются перечнем, в ко-

торый включают руководителей государства и высших должностных лиц органов законодательной, исполнительной и судебной власти. С. У. Дикаевым предпринята попытка дать обобщенное определение государственного деятеля. По его мнению, «это прежде всего политическая фигура, непосредственно определяющая внутреннюю и внешнюю политику государства либо решающая глобальные задачи, имеющие политическое значение»²¹. Вряд ли указанное определение можно использовать для очерчивания круга лиц, относящихся к государственным деятелям, из-за неопределенности, расплывчатости формулировок, оценочного характера ряда признаков, требующих собственного истолкования.

Для определения потерпевшего, скорее всего, имеет значение уровень органов власти, хотя в литературе по этому вопросу высказаны диаметрально противоположные мнения. Например, А. Н. Игнатов относил глав органов местного самоуправления к потерпевшим в преступлении, предусмотренном статьей 277 УК РФ²², А. В. Наумов, наоборот, исключал их из числа таковых, обоснованно утверждая, что «государственным деятелем может быть признано лицо, занимающее достаточно высокий пост в государстве»²³.

По нашему мнению, государственный деятель — это лицо, занимающее должность, установленную:

- 1) Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Указанное положение находит конкретизацию в Сводном перечне государственных должностей Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 15.01.1995

---

¹⁹ Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976. С. 69.

²⁰ Трошкин Е., Токмаков С. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля // Уголовное право. 2009. № 5. С. 88.

²¹ Дикаев С. У. Уголовно-правовой анализ некоторых преступлений террористического характера (ст. 277 и 360 УК) // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности : сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 16. СПб., 2002. С. 114.

²² Игнатов А. Н., Красилов Ю. А. Курс российского уголовного права : в 2 т. М., 2002. Т. 2 : Особенная часть. С. 768.

²³ Наумов А. В. Российское уголовное право. Т. 3. С. 353.

№ 32 (в ред. от 15.05.2018)²⁴. Так, в него включены: Президент РФ, председатель Правительства РФ, первый заместитель и заместители председателя Правительства РФ, министры РФ и федеральные министры, чрезвычайные и полномочные послы, председатель Совета Федерации Федерального Собрания, первый заместитель и заместители председателя Совета Федерации, председатель Государственной Думы и др.;

- 2) конституцией или уставом субъекта Российской Федерации. Эти должности перечислены в Указе Президента РФ от 04.12.2009 № 1381 (в ред. от 05.10.2015) «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации»²⁵: первый заместитель и заместители высшего должностного лица субъекта РФ, председатель законодательного органа государственной власти субъекта РФ и его заместители, председатель конституционного (уставного) суда и др.

Расширительному толкованию круг потерпевших лиц, предусмотренных статьей 277 УК РФ, не подлежит.

В теории уголовного права нет единства относительно признания потерпевшими судей. Однако даже сторонники этой позиции не сходятся во мнении по конкретным вопросам: одни признают таковыми всех судей безоговорочно; другие включают в их число только федеральных судей, третьи говорят лишь о «чинах высшей судебной власти»²⁶. Последняя позиция хотя и выражена не очень корректно, является более предпочтительной по следующим причинам. Во-первых, УК РФ содержит специальную норму (ст. 295), предусматривающую ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (имеет ту же юридическую формулу преступления). Она конкурирует с нормой, отраженной в ст. 277 УК РФ (конкурен-

ция специальных норм), в случае причинения смерти лица, осуществляющего правосудие, применяется ст. 295 УК РФ как прямо предусматривающая в качестве потерпевшего судью. Уже одно это обстоятельство исключает признание последнего потерпевшим в преступлении, описанном в ст. 277 УК РФ. Во-вторых, в соответствии с п. 2 и 3 ст. 3 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (в ред. 02.08.2019) «О статусе судей в Российской Федерации» судья не вправе принадлежать к политическим партиям, материально поддерживать указанные партии, принимать участие в их политических акциях и иной политической деятельности, публично выражать свое отношение к политическим партиям и общественным объединениям. Судья может быть членом политической партии только в нарушение данного закона, а уголовное законодательство не может охранять неправомерную деятельность по определению.

Деятельность руководителей высших судебных органов РФ и судебных органов субъектов РФ является государственной, в ее содержание входит определение политики в сфере правосудия, следовательно, они могут признаваться потерпевшим в преступлении, предусмотренном статьей 277 УК РФ. Деяния, предусмотренные данной статьей и статьей 295 УК РФ, отличаются целью и мотивом совершения. Если первое осуществляется в целях прекращения государственной или иной политической деятельности лица либо из мести за такую деятельность, то второе — в целях воспрепятствования законной деятельности судьи либо мести за такую деятельность.

Еще одним потерпевшим от преступления, закрепленного в ст. 277 УК РФ, как уже говорилось, может выступать общественный деятель. Под ним понимается лицо, которое состоит в руководстве или принимает активное участие в работе зарегистрированных в РФ политических партий²⁷, общественных объединений²⁸,

²⁴ Российская газета. 1995. 17 янв.

²⁵ СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ См., например: Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998. С. 576.

²⁷ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (в ред. 02.12.2019) «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

профессиональных²⁹ и иных союзов на федеральном или региональном уровнях.

Надо сказать, что по последнему обстоятельству среди специалистов нет единства мнений. Например, Ю. М. Антонян исключает из числа потерпевших в преступлении, предусмотренном статьей 277 УК РФ, рядовых членов партии или движения, их сторонников или сочувствующих им³⁰. С. У. Дикаев и И. Р. Дикаева общественными деятелями в смысле указанной статьи признают в том числе лиц, решающих на региональном уровне «важные, но локальные задачи»³¹.

В связи с имеющейся сложностью трактовки понятия общественного деятеля в литературе предложена кардинальная мера — исключить его упоминание из ст. 277 УК РФ³². Вряд ли с этим можно согласиться. Реализация этого предложения объективно ослабит уголовно-правовую охрану основ политической системы РФ, охватывающей, как указывалось, общественные объединения.

Как при определении круга потерпевших — государственных деятелей, так и при установлении круга потерпевших — общественных деятелей

основным критерием отнесения к их числу конкретных лиц является связь деятельности последних с основой политической системы России.

Объективная сторона преступления выражается в посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля. Как уже указывалось, использование термина «посягательство» породило в теории длительную дискуссию³³, отголоски которой иногда проявляются и сейчас³⁴. В свое время точку в спорах по этому вопросу поставил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 03.07.1963 «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»³⁵, в котором разъяснялось, что «под посягательством на жизнь надлежит рассматривать убийство или покушение на убийство...» (п. 4).

Позиция Пленума была в целом воспринята теорией уголовного права, однако некоторые ученые «реанимируют» мнения, существовавшие до судебного толкования посягательства

---

²⁸ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (в ред. 02.12.2019) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 22. Ст. 1930.

²⁹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (в ред. 30.10.2018) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

³⁰ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 288.

³¹ Дикаев С. У., Дикаева И. Р. Уголовная ответственность за преступления террористического характера. М., 2005. С. 23.

³² См.: Яловая В. Н. Анализ законодательного закрепления посягательств на жизнь, предусмотренных ст. 277, 295 и 317 УК РФ // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26—27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 278.

³³ Подробный анализ дискуссий см.: Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Указ. соч. С. 23—28.

³⁴ Например В. И. Гладких, ссылаясь на институт стадий совершения преступления, называет термин «посягательство» неправовым (Гладких В. И. Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 17).

³⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1986. М., 1987. С. 686.

Эта позиция была подтверждена Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении от 22.09.1989 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» (см.: Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. М., 1999. С. 465); Пленумом Верховного Суда РСФСР в постановлении от 24.09.1991 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» (см.: Там же. С. 473).

как деяния, предусмотренного статьей 277 УК РФ. Так, В. В. Мальцев считает, что «под посягательством на жизнь и здоровье подразумевается главным образом угроза убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества»³⁶. В трактовке автора, как видим, посягательство оказалось синонимичным угрозе совершения убийства и иных деяний, что не соответствует содержанию этих понятий.

Е. И. Климкина предлагает рассматривать анализируемое понятие в зависимости от совершаемого преступления: применительно к деянию, предусмотренному статьей 295 УК РФ, понимать его как убийство или покушение на него, а применительно к деянию, предусмотренному статьей 277 УК РФ, — как «убийство, покушение на убийство, а равно иные умышленные насильственные действия, заведомо создающие для виновного реальную возможность наступления смертельного результата»³⁷. Этот подход не основан на законе.

На наш взгляд, необходимо остановиться еще на одной проблеме, тесно связанной с трактовкой посягательства, не получившей единообразного разрешения в теории уголовного права. Речь идет о форме деяния. Одни ученые считают возможным совершение посягательства только путем действия, некоторые допускают, хотя и с определенными оговорками, и бездействие. Например, А. Ю. Кизилов считает, что в исключительных случаях это преступление может быть совершено путем бездействия³⁸. К сожалению, автор не раскрывает эти «исключительные случаи», не приводит механизма совершения посягательства путем бездействия, поэтому в какой-то степени дискуссия с ним беспредметна. По нашему мнению,

посягательство — это только активное агрессивное поведение, направленное на причинение вреда здоровью или смерти потерпевшего. Такое понимание данного термина согласуется с его значением как покушения на причинение какого-либо вреда³⁹. Так он понимался и дореволюционными юристами, а Н. С. Таганцев вообще считал посягательство нападением⁴⁰. Из этого же исходит Пленум Верховного Суда РФ, например, при толковании посягательства в постановлении от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»⁴¹.

Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачева и А. И. Чучаев пишут: «С известной долей условности можно сказать, что посягательство синонимично нападению, поэтому с объективной стороны преступление, предусмотренное статьей 277 УК РФ, может быть совершено только посредством насильственных действий, но не путем бездействия или психического воздействия на потерпевшего»⁴².

Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля следует считать оконченным преступлением с момента совершения действий, направленных на лишение жизни и объективно создавших непосредственную угрозу наступления смерти потерпевшего; фактическое наступление смерти при этом не требуется. Наличие этого последствия, а также причинение вреда здоровью любой тяжести исключает дополнительную квалификацию содеянного по статьям о преступлениях против жизни и здоровья.

Преступление может быть совершено как во время исполнения потерпевшим функций госу-

³⁶ Мальцев В. Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью // Законность. 1996. № 1. С. 11.

³⁷ Климкина Е. И. Понятие посягательства в уголовном праве // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Саратов, 2003. С. 197.

³⁸ Кизилов А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти / под ред. А. И. Чучаева. Ульяновск, 2002. С. 74.

³⁹ См.: dic.academic.ru.

⁴⁰ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 199.

⁴¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

⁴² Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Указ. соч. С. 27.

дарственного или общественного деятеля, так и после этого. Данное обстоятельство уголовно-правового значения не имеет, лишь ограничивает мотивы совершения деяния: очевидно, что по мотивам мести преступление не может быть совершено до начала деятельности лица.

Как уже говорилось, покушение на преступление, предусмотренное статьей 277 УК РФ, в силу специфики описания преступления исключается; при ненаступлении смерти потерпевшего деяние квалифицируется без ссылки на ч. 3 ст. 30 УК РФ, тогда как приготовление к совершению посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля требует дополнительного указания ч. 1 ст. 30 УК РФ.

В свое время субъективная сторона рассматриваемого преступления вызвала много споров⁴³. В настоящее время в целом все соглашались с тем, что посягательство может быть совершено только с прямым умыслом⁴⁴, при этом в качестве обязательных признаков его субъективной стороны являются цель и мотив — прекращение государственной или общественной деятельности или месть за такую деятельность⁴⁵. Другие цели и мотивы исключают квалификацию деяния по ст. 277 УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (в ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по

уголовным делам о преступлениях террористической направленности»⁴⁶ (п. 12) говорится: «В том случае, если лицо совершает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля... путем совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 205 УК РФ. Когда посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля хотя и совершается указанными способами, но в целях прекращения его государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность, содеянное квалифицируется по статье 277 УК РФ».

Большое теоретическое значение имеет вопрос оценки субъективной ошибки в личности потерпевшего, когда вместо государственного или общественного деятеля лишается жизни другой человек, который не является таковым. По общему правилу в этом случае действия виновного следует квалифицировать как покушение на преступление, на совершение которого был направлен умысел. Но все дело в том, что покушение охватывается статьей 277 УК РФ, а указанные выше постановления Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР обоснованно исключают такую стадию в данном преступлении.

---

⁴³ См. об этом подробно: Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Указ. соч. С. 30—33.

⁴⁴ Ошибочным следует признать утверждение о том, что посягательство может быть совершено и с косвенным умыслом (см.: Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Указ. соч. С. 770). Неверно раскрывает содержание интеллектуального и волевого моментов вины Е. В. Пономаренко (Пономаренко Е. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. М., 2016. С. 82). В формальных составах преступления предвидение последствий как элемент интеллектуального момента умысла отсутствует, а волевой момент характеризует отношение лица к совершаемому деянию.

⁴⁵ В литературе высказано предложение дополнить ст. 277 УК РФ, по аналогии с ч. 2 ст. 105 УК РФ, квалифицирующим признаком, указывающим на мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (см.: Ревина В. В. Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 161). В этом случае автором нарушаются правила дифференциации уголовной ответственности. Как правильно замечает А. Г. Хлебушкин, санкция ст. 277 УК РФ предусматривает максимально возможное наказание по УК РФ, поэтому введение квалифицирующего признака, повышающего степень опасности деяния, бессмысленно (Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая политика России в сфере охраны основ конституционного строя : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. С. 132).

⁴⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

Это породило споры, которые продолжаются до сих пор⁴⁷.

По мнению автора, достаточно убедительно обосновал квалификацию подобных действий как покушения на посягательство на жизнь А. И. Рарог: «Налицо неудавшаяся попытка посягнуть на жизнь государственного деятеля, но не реальное посягательство. Квалифицировать деяние по статье 277 УК РФ невозможно, поскольку жизнь государственного деятеля не находилась в реальной опасности и основам конституционного строя Российской Федерации ничего не угрожало. Но с учетом субъективной направленности деяния на этот объект преступление следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное статьей 277 УК РФ, хотя с точки зрения формальной логики такая квалификация представляется не совсем обычной — покушение на покушение»⁴⁸.

Субъектом рассматриваемого преступления является лицо, достигшее возраста 14 лет. (Следует обратить внимание на непоследовательность законодателя в определении возраста уголовной ответственности за однотипные, по сути, преступления: по ст. 277 УК РФ таковым является достижение 14 лет, а по ст. 295 и 317 УК РФ — 16 лет, хотя характер предусмотренных ими деяний представляет меньшую сложность для осознания их фактического содержания и общественной опасности.)

На практике нередко возникают вопросы определения наличия совокупности преступлений или отграничения посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля от смежных или сходных деяний. Частично они были рассмотрены при характеристике потерпевшего и мотивов совершения рассматриваемого деяния. Здесь же остановимся еще на одном моменте. Так, совершение преступления, предусмотренного статьей 277 УК РФ, с целью оказания помощи в деятельности, направленной против безопасности РФ,

требует дополнительной квалификации по ст. 275 УК РФ, поскольку каждое из этих деяний характеризуется признаками, которые присущи только ему: государственная измена не предполагает лишения жизни другого лица, а посягательство на жизнь государственного деятеля совершается по иным мотивам, нежели государственная измена. Игнорирование указанных обстоятельств будет нарушать принцип полноты квалификации.

Подводя итог, можно сказать, что:

1. Преступление, предусмотренное статьей 277 УК РФ, имеет специфический механизм совершения, который предполагает включенность потерпевшего в конституционно-правовые отношения, характеризующие основы политической системы страны; виновный, исключая государственного или общественного деятеля из данных отношений, т.е. устраняя один из его элементов, тем самым нарушает указанные основы, определенные в Конституции РФ.

2. Государственный деятель — это лицо, занимающее должность, установленную:

- а) Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Указанное положение находит конкретизацию в Сводном перечне государственных должностей Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 15.01.1995 № 32 (в ред. от 15.05.2018);
- б) конституцией или уставом субъекта Российской Федерации. Эти должности перечислены в Указе Президента РФ от 04.12.2009 № 1381 (в ред. от 05.10.2015) «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации».

Под общественным деятелем как потерпевшим в преступлении, предусмотренном статьей 277 УК РФ, понимается лицо, которое состоит в руководстве или принимает активное участие в работе зарегистрированных в РФ по-

⁴⁷ См. об этом, например: Курс советского уголовного права : в 6 т. М., 1960. Т. 6. С. 272 ; Курс уголовного права : в 5 т. Т. 5 : Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 29.

⁴⁸ Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 212.

литических партий, общественных объединений, профессиональных и иных союзов на федеральном или региональном уровнях.

Как при определении круга потерпевших — государственных деятелей, так и при установле-

нии круга потерпевших — общественных деятелей основным критерием отнесения к их числу конкретных лиц является связь деятельности последних с основой политической системы России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). — М., 2016.
2. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М., 1998.
3. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. — М., 1967.
4. Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть. — М., 2000.
5. Дикаев С. У. Уголовно-правовой анализ некоторых преступлений террористического характера (ст. 277 и 360 УК) // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности : сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. — Вып. 16. — СПб., 2002.
6. Дикаев С. У., Дикаева И. Р. Уголовная ответственность за преступления террористического характера. — М., 2005.
7. Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права : в 2 т. — М., 2002. — Т. 2 : Особенная часть.
8. Кизиллов А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти / под ред. А. И. Чучаева. — Ульяновск, 2002.
9. Климкина Е. И. Понятие посягательства в уголовном праве // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. — Саратов, 2003.
10. Мальцев В. Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью // Законность. — 1996. — № 1.
11. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. — М., 1996.
12. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. — СПб., 2003.
13. Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. — Волгоград, 1976.
14. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. — М., 1994. — Т. 1.
15. Тенчев Э. С., Драченев А. С. Оконченное преступление с точки зрения законодательной техники // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. — Ярославль, 1997.
16. Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. — Рязань, 1994.
17. Трошкин Е., Токмаков С. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля // Уголовное право. — 2009. — № 5.
18. Яловая В. Н. Анализ законодательного закрепления посягательств на жизнь, предусмотренных ст. 277, 295 и 317 УК РФ // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Российского конгресса уголовного права (26—27 мая 2011 г.). — М., 2011.

Материал поступил в редакцию 2 декабря 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aguzarov T. K., Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. Oхрана власти в уголовном праве России (de lege lata i de lege ferenda). — М., 2016.
2. Antonyan Yu. M. Terrorism. Kriminologicheskoe i уголовно-правовое issledovanie. — М., 1998.
3. Brajnin Ya. M. Uголовный закон i ego primenenie. — М., 1967.
4. Vetrov N. I. Uголовное право. Osobennaya chast. — М., 2000.
5. Dikaev S. U. Uголовно-правовой analiz nekotoryx prestuplenij terroristicheskogo xaraktera (st. 277 i 360 UK) // Problemy sovershenstvovaniya zakonodatelstva i pravoprimenitelnoj deyatel'nosti : sbornik trudov doktorantov, adyunktov i soiskatelej. — Vyp. 16. — SPb., 2002.
6. Dikaev S. U., Dikaeva I. R. Uголовная otvetstvennost za prestupleniya terroristicheskogo xaraktera. — М., 2005.
7. Ignatov A. N., Krasikov Yu. A. Kurs rossijskogo uголовного prava : v 2 t. — М., 2002. — T. 2 : Osobennaya chast.
8. Kizilov A. Yu. Uголовно-правовая охрана управленческой deyatel'nosti predstavitelej vlasti / pod red. A. I. Chuchaeva. — Ulyanovsk, 2002.
9. Klimkina E. I. Ponyatie posyagatel'stva v уголовном праве // Uголовно-правовая охрана lichnosti i ee optimizaciya. — Saratov, 2003.
10. Malcev V. Uголовно-правовая охрана dolzhnostnyx licz i grazhdan v svyazi so sluzhebnoj ili obshhestvennoj deyatel'nostyu // Zakonnost. — 1996. — № 1.
11. Naumov A. V. Uголовное право. Obshhaya chast : kurs lekcij. — М., 1996.
12. Rarog A. I. Kvalifikaciya prestuplenij po subektivnym priznakam. — SPb., 2003.
13. Rudinskij F. M. Lichnost i socialisticheskaya zakonnost. — Volgograd, 1976.
14. Tagancev N. S. Russkoe уголовное право. Lekcii. Chast obshhaya : v 2 t. — М., 1994. — T. 1.
15. Tenchov E. S., Drachenov A. S. Okonchennoe prestuplenie s točki zreniya zakonodatel'noj tekhniki // Voprosy yuridicheskoy tekhniki v уголовном i уголовно-исполнител'nom zakonodatel'stve. — Yaroslavl, 1997.
16. Ter-Akopov A. A. Problemy lichnosti v уголовном праве // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — Ryazan, 1994.
17. Troshkin E., Tokmakov S. Uголовная otvetstvennost za posyagatel'stvo na zhizn gosudarstvennogo ili obshhestvennogo deyatelya // Uголовное право. — 2009. — № 5.
18. Yalovaya V. N. Analiz zakonodatel'nogo zakrepleniya posyagatel'stv na zhizn, predusmotrennyx st. 277, 295 i 317 UK RF // Uголовное право: istoki, realii, perexod k ustojchivomu razvitiyu : materialy VI Rossijskogo kongressa uголовного prava (26—27 maya 2011 g.). — М., 2011.